

СЕВЕРНО-ЗАПАД

КОНАН
ВАРВАР
ИЗ КИММЕДИИ

Северо-Запад

Annotation

Молодой киммериец Ниун отправляется на поиски того, кто бы мог обучить его тонкостям кузнечного ремесла, но находит нечто гораздо более ценное...

- [Кристина Стайл](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Кристина Стайл

Дочь кузнеца

На северо-западе суровой северной страны Киммерии неприступной громадой возвышалась гора Бен Морг, которую киммерийцы называли также Горой Крома, ибо веровали, что их грозных бог-воин обитает на ее вершине. Место это было для них священным, и поэтому возле самого подножия Бен Морга издавна хоронили прославленных вождей многочисленных варварских племен. Киммерийцы, потомки великих атлантов, были варварами, не имели письменности, и никто из них уже не помнил своих корней: тысячетелая история их народа, хранимая лишь в памяти старейшин, передавалась из уст в уста, превратилась в свод красивых и благородных легенд.

Одна из таких легенд гласила, что Стоячий Камень, возведенный в самой середине Поля Вождей, появился тут в несказанно далекие времена, когда Имир, Ледяной Гигант, бог извечных врагов киммерийцев - ваниров, попытался поработить Киммерию. Суровый Кром, который редко заботился о своих воинственных детях, тогда рассвирепел, оторвал от горы кусок черной скалы и швырнул в Имира. Скала глубоко вонзилась в землю и осталась там навсегда. С тех самых давних пор киммерийцы приходили к этому святилищу, чтобы приносить жертвы своему гневному богу.

Вот и ныне возле Стоячего Камня собирались лучшие воины племени канахов, чтобы напоить Крома горячей кровью огромного белого козла с длинными витыми рогами. Вождь племени, Канах Канах, занес над животным остро отточенный нож и, обратив взор на вершину Бен Морга, воскликнул:

— Великий Кром! Прими нашу жертву! С этим сердцем мы отдаем тебе наши сердца! Этой кровью мы посвящаем тебе нашу кровь!

С этими словами он одним ударом рассек грудь козла, вырвал из его груди сердце и бросил его к подножию обломка черной скалы. Камень покрылся множеством красных брызг, а дымящаяся кровь, которая густым потоком хлынула из глубокой раны, мгновенно впиталась в землю.

— Жертва принята! — провозгласил вождь, и воздух огласился торжествующими криками могучих воинов племени.

Вечером того же дня в небольшом селении, приютившемся на опушке глухого леса в предгорьях северной Киммерии, гудел грандиозный пир. Да и как было не праздновать, когда храбрые воины не только сумели отбить стремительное нападение ваниров, но и погнали грязных псов до порога их собственного дома, сожгли маленькое пограничное селение и вернулись с богатой добычей! Вернулись все!

Столы вынесли из домов, и каждый хозяин не поскупился на угождение. Жареные на кострах козы туши, огромные котлы с мясной похлебкой, свежие румяные лепешки, выдержаный мед лесных пчел - от снеди ломились толы. Все были пьяны и счастливы. Обычно молчаливые, сегодня крепкие киммерийские мужчины говорили много и охотно, рассказывая женщинам, старикам, детишкам, да и друг другу о славной битве, жар которой еще не остыл в их крови. Могучие кулаки с грохотом опускались на отскобленные добела столы, и деревянные миски с едой и ковши, наполненные хмельным питьем, высоко подпрыгивали под восторженный гул благодарных слушателей.

Среди молодых воинов выделялся один, не сказавший за время пира ни слова. Его, конечно, тоже радовала победа, и он, как и все, внес в разгром ваниров свою лепту. Об этом

говорили и свежие раны на плечах и руках, и помятая вражьими клинками кольчуга, и холодный блеск горевших от общего возбуждения ярко-синих глаз. Но у него была своя причина печалиться.

Когда-то давно, когда он был еще мальчишкой, в схватке с врагом во время такого же набега северных соседей погиб его отец, сильный мужественный воин и прекрасный кузнец, ремесло которого, казалось, благословили и сам великий Кром, и все Светлые Боги. Не было в округе умельца, равного ему. Хороший кузнец - мастер на все руки. Он ведал все тайны ремесла: и руду умел добывать, и как железо из нее извлечь знал, и как закаливать металл, и как сделать из него нож, наконечник для стрелы, топор, гвоздь, а самое главное - настоящий боевой меч. Изготовленные им доспехи, мечи и ножи честно служили воинам-канахам до сих пор. Но ничто не может жить вечно, даже металл, а выковать новое оружие теперь было некому.

Рано погиб кузнец, не успел ничему толком обучить своего единственного сына. Кузнечное дело передавалось только по наследству, вот и жило теперь селение без мастера, а кузница уже многие годы стояла остывшая и заброшенная. Молодой воин часто приходил к ней, и ему казалось, что он слышал голоса предков, мучительно терзавшие его душу. Он все не мог забыть, как совсем еще малым мальчишкой бегал в кузницу, где дружно и весело работали дед, которого до самой смерти не покидала могучая сила, да отец, тогда молодой и жизнерадостный.

В горне ярко горело сильное пламя и светился раскаленный металл. У массивной наковальни, как божественные исполины, стояли дед - мастер - с малым молотом в руках, и отец - подмастерье - с большим молотом. Сначала это удивляло мальчика: ему казалось, что главному мастеру в руке огромная кувалда лучше ладится. Но позже, насмотревшись на кузнецов, он все понял: малый молот, словно играя, пробегал по поковке и показывал, где и как по ней надо ударить, чтобы получилась задуманная вещь, большой же молот, словно все понимал сам, послушно проходил по следу малого, как бы подчиняясь его воле.

Смотреть, как работают дед и отец, было самым любимым занятием для мальчугана. Высокие, статные, сильные, в длинных кожаных передниках, через высокие лбы - тонкие ремешки, чтобы густые черные волосы не лезли в глаза, руки в кожаных рукавицах легко управляются с тяжелыми молотами, которые, с гулким грохотом опускаясь на наковальню, выбивают множество ярких веселых звездочек - такими запомнил из мальчик на всю жизнь. Именно такие, черные от копоти и окалины, мокрые от пота, но счастливые от собственной радостной усталости, являлись они ему, уже взрослому и прославленному воину, в его беспокойных снах, словно вопрошая, неужто перевелись в их роду умельцы и навсегда умолкла слава мастеров.

— Ниун, дружище, — прервал его тягостные раздумья высокий мужчина средних лет, лицо которого было испещрено шрамами. — Что задумался? Давай выпьем. Если бы ты не снес рыжую башку тому вонючему псу, не сидеть бы мне рядом с тобой. Вот это был удар! — воскликнул он, повернувшись к окружающим. — В жизни не видел такого! А уж я-то, поверте, пустил немало крови этим отродьям Нергала!

Ниун улыбнулся, явно польщенный словами бывалого воина, и, подняв ковш, сделал большой глоток.

— Так-то лучше, — оживился его собеседник. — Поверь, ты хороший воин, а с годами станешь великим. Тебя ждет слава. И богатство.

— Все мы воины. А вот кузнеца среди нас нет, — снова нахмурился Ниун. — Кто

сделает нам новое оружие? А щиты? Кольчуги? — Он помолчал и решительно закончил, стукнув кулаком по столу: — Я буду кузнецом, как отец.

— Опять ты за свое! Кто возьмется тебя учить? Во всей округе — ни одного бездетного мастера. Ты хоть знаешь, как руду искать? А работать молотом? то-то. Сам не справишься.

Ниун поморщился, словно у него вдруг заныли все полученные в сегодняшнем бою раны. Горькие слова болью отзывались в его сердце. Все справедливо. Он, конечно, дневал и ночевал в кузнице, но ничего так и не изучил основательно, сам, своими руками, даже кривого гвоздика не выковал. Молодой воин задумался, стараясь вспомнить, что успел узнать от отца.

Руду добывали на обширном болоте, затерянном в дремучих темных лесах. Черная с красными примесями она лежала под корнями чалых болотных деревьев. Да и не только по виду, но и по весу умел определить руду опытный мастер: взвесив на руке по горсти разной земли, он безошибочно говорил, есть в ней железо, ибо земля с металлом гораздо тяжелее.

Накопав достаточное количество железной земли, ее прожигали на костре, чтобы удалить все лишнее, золу толкли и просеивали, пока не оставался лишь черный порошок, в котором и содержалось железо. Чтобы из порошка выварить металл, строили специальные печи, которые ставили на самой окраине селения, желательно возле реки или ручья. Именно поэтому кузнецы всегда селились особняком — и вода рядом, и грохот не беспокоит соседей, да и огонь, если вдруг что с печью случиться, не затронет их дома. Хороший мастер всегда о людях думал.

Печи эти сооружали из камней, соединенных смесью песка и глины. Снизу, чтобы поступал воздух, подводили глиняные трубки, к которым примыкали мехи из выдубленной кожи. Печь загружали отборным древесным углем и порошком из железной руды, добавляли песок и мытую в воде золу. И только потом разжигали огонь, произносили нараспев заклинание и начинали варить — плавить — металл.

Это было великим мастерством, граничившим с магией, и лишь с годами, учась у отцов и дедов, можно было овладеть им, научиться ремеслу так, чтобы руки сами знали, что делают. Поспешишь — получишь хрупкий, жесткий металл, который превратится под молотом в груду осколков. Чересчур помедлишь — вовсе не выйдет железа, спечешь порошок в никчемные куски. А главное — в печь нельзя заглянуть, потрогать металл: готов ли? Это тайна великая, и лишь опытному мастеру доступна она.

Помнил Ниун и разговор отца с дедом о закалке поковок, да по малолетству тогда, к сожалению, не все из него понял, а теперь и спросить не у кого. Поковки калили по-разному: в проточной и стоячей воде, в топленом жиру лесных вепрей или даже в их тушах, а иногда и в жиру козьем. Но не то было главным, в чем калить, а то, какие слова при этом наговаривал кузнец. И для каждого дела — свое заклинание: и когда держали железо в огне, и когда вынимали его, и когда калили. А ведь не только сами слова важны. Поторопишься, скажешь их слишком быстро — и пропала работа, ломким окажется клинок, пропадет воин с таким никудышным оружием. Но и медлить сверх меры нельзя: растянешь слова — и будет изгибаться меч, как полоса ткани, ни рубить, ни колоть им нельзя...

Кто же согласится обучать всему этому чужака? Нет, только плоти от плоти, крови от крови своей можно доверить такую тайну. И лишь если обидели Боги, не дали сына, мог мастер подыскать себе преемника на стороне. Но и тогда он должен признать пришедшего сыном, взять его в семью. А кому это надо? Кузнецы — народ крепкий, сильный и, как правило, детьми не обиженный. У всех есть сыновья под стать отцам — мускулистые,

широкоплечие, статные. Они-то и наследуют дело.

Ниун снова тяжело вздохнул, и это не ускользнуло от его наблюдательного собеседника.

— Оставь, не печалься. Что поделаешь, раз так решили Боги? Видно, не молот тебе суждено держать в руках, а меч. Двадцать пятую зиму вот-вот тебе встречать. Не поздно ли начинать чему-то учиться?

— Не поздно. Откуда тебе знать, что решили Боги? Прадед мой был кузнецом, дед, отец. И я им стану.

— У всех наших соседей есть сыновья. Никто тебя не возьмет.

— Киммерия велика. Даже если мне придется обойти ее всю, я все равно добьюсь своего!

Молодой варвар даже не подозревал, насколько был прав, говоря о том, что его страна велика. Просто ему, не видевшему на своем коротком веку почти ничего, кроме потоков крови, как врагов, так и друзей, да собственного селения с его спокойной и размеренной жизнью, время от времени нарушенной вражескими набегами, весь мир казался огромным. И прекрасным. В его сильном молодом теле горячим ключом была жизнь, руки не боялись никакой работы, а разум был открыт для новых знаний. Но знал он пока очень и очень мало. Выросший на самом севере Киммерии, он даже толком не видел собственной родины, ибо никогда еще не покидал своих гор.

Большая, красавая, полудикая страна напоминала гигантскую чашу, сотворенную руками Богов. Стенки ее - горы, окружавшие Киммерию со всех сторон, словно заботливые руки, а дно - прекрасная долина, заснеженная долгой зимой и расцветавшая всеми возможными и невозможными красками стремительной весной и коротким, но всегда жарким летом. Правда, Боги, создавая эту страну, поспешили на краски, и большую часть года здесь преобладали цвета серые - величественные каменные глыбы и низкие тяжелые тучи, зеленые - хвойные деревья и бурье - непроходимые топи. И только с приходом тепла словно невидимая рука проводила по всей этой картины мягкой кистью, окуная ее то в киноварь, то в охру, то в индиго.

Зима подходила к концу, и Ниун решил не ждать первых весенних дней, а отправляться в путь прямо назавтра. Идти по снегу, покрытому довольно прочным настом, было гораздо легче, чем по вязкой чавкающей жиже, в которую превращались лесные тропы, когда лето ненадолго вступало в свои права в северной стране.

Молодой варвар привык обходиться малым, и поэтому, едва рассвело, быстро собрал дорожный мешок, положив в него только самое необходимое, взял большой охотничий нож, меч, лук со стрелами, надел штаны и куртку из тщательно выделанного козьего меха, сапоги из толстой, но мягкой кожи и, в последний раз окинув взглядом свой опустевший дом, тронулся в путь.

Ниун шел быстро, не оглядываясь, и старался не думать о покинутом селении. Он уговаривал себя, что его поиски обязательно увенчаются успехом, что рано или поздно он вернется домой настоящим мастером, что снова заиграет огонь в кузнице на берегу ручья, весело зазвенит молот, бьющий по наковалье. Эти мысли придавали ему сил, и узкая тропа в глухом лесу, уводившая его все дальше и дальше от прошлой жизни, казалась ему широкой дорогой, в конце которой путника ждала его заветная мечта.

Через два дня пути лес начал редеть, и зоркие глаза киммерийца разглядели вдали низкие крыши домов, стоявших на окраине деревни. Он прибавил шагу, и вскоре чуткие ноздри уловили запах кипящей мясной похлебки - дома были совсем рядом.

Киммерийцев, как тех, кто обитал в горах, так и жителей равнины, трудно было назвать гостеприимными. Суровая жизнь приучила их встречать чужаков настороженно, но к своим соплеменникам они относились с неким подобие дружелюбия, и поэтому взгляд женщины, вышедший на порог ближайшего дома, хоть и был пронзительно пристальным, но не выражал враждебности.

— Кто ты? — прямо спросила она. — Что ты здесь ищешь?

— Ниун. Мое селение лежит в двух днях пути к северу. Ищу кузнеца. Где его дом?

Женщина кивнула, видимо, удовлетворенная ответом, и молча указала на противоположный край деревни. Похоже, и здесь люди не отличались разговорчивостью. Ниун поспешил в указанном направлении, и вскоре до его ушей донесся знакомый перестук молотов. Сердце молодого воина учащенно забилось, и он приготовился вести нелегкий разговор с мастером. Однако долго им беседовать не пришлось. Кузнец, высокий и очень крепкий, как и все, кто избрал для себя это ремесло, выйдя на порог, смерил Ниуна изучающим взглядом и сурово спросил:

— Зачем ты пришел? У тебя есть ко мне дело?

Мастер чем-то напомнил Ниуну погибшего отца, и он, неожиданно для себя смутившись, ответил:

— Я Ниун. Моя деревня осталась без кузнеца много лет назад. Я его единственный сын. Отец не успел обучить меня ремеслу, но голос предков повелевает мне найти учителя и продолжить их дело. Вот я и отправился в путь.

Кузнец посмотрел на широкие плечи Ниуна и могучие руки, покрытые шрамами, на видавшие виды оружие и сказал:

— Ты воин.

— Воинов у нашего племени много, а вот кузнеца нет. Отец погиб слишком рано.

— Я не возьму тебя. У меня трое сыновей, и мое дело находится в надежных руках. Но могу тебе дать совет. Через три дома отсюда живет мастер Отнар. Зайди к нему. Может, ты сумеешь с ним договорится.

С этими словами кузнец повернулся к Ниуну спиной и, пригнув голову, чтобы не удариться о притолоку, вошел в кузницу. Посчитав разговор оконченным, он спешил вернуться к работе.

Слова кузнеца удивили Ниуна. Мастер Отнар? У них в деревне два кузнеца? Но почему тогда второй живет в самой середине селения? Или он уже стар, не имеет ни сыновей, ни учеников, и поэтому его кузница остыла? Впрочем, что толку задавать вопросы самому себе. Надо найти Отнара и все узнать у него.

Дом мастера Отнара он нашел быстро. Тот был явно выше и просторнее соседских, вокруг располагались еще какие-то постройки, но они не имели никакого отношения к кузнице, и Ниун решил немного понаблюдать со стороны, прежде чем начать разговор с мастером. Вскоре из дома вышел пожилой мужчина маленького роста, щуплый и чуть сутулый, невзрачный. Единственное, что в его лице бросалось в глаза, - это тяжелая, заметно

выступавшая вперед челюсть. Взглянув на ее, Ниун понял, что Отнар принадлежит к племени мурохов. Не зря его соплеменники посмеивались: "Хорошие женщины у мурохов и на охоте полезные - любого зверя своей челюстью напугают". Узкие плечи и тонкие руки старика никак не подходили кузнецу, даже бывшему. Отнар и не был кузнецом, но мастером его называли не зря. Он выделывал меха, и во всей округе в этом ремесле не знал себе равных.

Маленький человечек подошел к бревенчатому настилу, внимательным взглядом окинул груду лежавших на нем свежевыделанных шкурок, взял одну из них и осторожно запустил узловатые пальцы в густой мех, чтобы проверить, достаточно ли он мягок и плотен, затем встряхнул так, что ворс пошел волнами, и подул, пристально всматриваясь в подшерсток. Похоже, такой осмотр не удовлетворил его, и он, поднеся шкурку ко рту, прикусил мездру зубами: опытный мастер мог легко определить плотность меха и, кажется, остался доволен: ни малейшего запаха тления, а значит, мездра очищена хорошо, и шкурка послужит долго.

Умение выделывать мех, как и многие другие ремесла, передавалось в Киммерии от отца к сыну. Но, видимо, Отнар разгневал великого Крома, и жена мастера несколько лет подряд исправно рожала дочерей. А теперь ей уже поздно думать о новых детях, и, похоже, скоро селение останется без умелого меховщика, а его жителям придется идти на поклон к соседям, поневоле соглашаясь на вовсе не выгодный для себя обмен: хорошая шкура стоила дорого. Конечно, у Отнара были ученики - дети из многодетных соседских семейств, но он доверял им лишь отдельные операции, а обучить главным заклинаниям и всему делу в целом ему было некого.

Помрачнев от тяжелых дум, стареющий мастер отправился проверить, как работают подмастерья. Проходя мимо длинных деревянных корыт, где в дождевой воде с солью отмачивали свежеснятые шкуры, Отнар ненадолго задержался, чтобы потрепать по щеке одного из подмастерьев и погладить по голове другого. Работа здесь была очень тяжелой, соль разъедала кожу, и мастер искренне жалел мальчишек. "Надо поменять их местами с мэздровщиками, хоть ненадолго, а то совсем без рук останутся", - подумал он и двинулся дальше.

В довольно просторном помещении стояли узкие деревянные скамьи с укрепленными на них скобами. Верхом на скамьях сидели мэздровщики и медленными осторожными движениями водили по скобам шкурками, сдирая с них жир и не срезанные кусочки мяса и сухожилий. Эта работа требовала пристального внимания. Шкурку обязательно надо было брать левой рукой за середину, а правой - за заднюю лапу, чтобы мэздрить ее против ворса. Если подмастерье ошибался, шкурка оказывалась безнадежно испорченной. Посмотрев, как работают мальчики, и пробормотав только ему ведомое заклинание, помогавшее в работе, Отнар поспешил в противоположный конец помещения, где в глубоких почти квадратных корытах квасили очищенные подмастерьями меха.

Для закваски требовалась особая смесь, и мастер никому не открывал ее секрета. Отнар опустил руку в корыто, достал пригоршню закваски, лизнул ее и выплюнул обратно. "Светлые Боги, - мысленно взмолился он, - пошлите мне сына! Маленького, розовощекого, или взрослого, сильного. Пусть не кровного! Я назову его сыном и передам ему дело всей моей жизни!"

Выйдя на улицу, мастер огляделся по сторонам и собрался было пойти домой, как заметил смотревшего в его сторону молодого красавца-воина. "Кром великий! Митра всемогущий! Неужто вы наконец-то откликнулись на мои мольбы?" - мелькнуло в голове у

изумленного меховщика, и он, дрожа от волнения, поспешил навстречу гостю.

— Откуда ты, сын мой? — вскричал Отнар. — Ты пришел ко мне? Входи скорее в мой дом!

Ниун удивился такому радушному приему, но вида не подал и ступил на порог.

— Жена! — возбужденно крикнул меховщик. — Собирай на стол! У нас гость! — Затем, повернувшись к молодому человеку, сказал: — Присаживайся. Расскажи мне о себе.

— Я Ниун. Пришел с севера. Хотел, чтобы кузнец взял меня в ученики, а он послал меня к тебе.

— И правильно сделал! — воскликнул Отнар, вскакивая со скамьи. — У него трое сыновей, все красавцы и силачи, один к одному. А у меня, — тут мастер тяжело вздохнул, и глаза его подернулись печалью, — у меня пять дочерей... Кому я передам дело?

— Мне? — Только сейчас Ниун сообразил, почему хозяин так приветливо встретил его.

— Конечно же! Я назову тебя сыном и обучу всему, что знаю сам. Это дело прибыльное, хозяйство у меня крепкое, ты не будешь знать нужды.

— Но я вовсе не собирался становиться меховщиком. Мои предки были кузнецами, и я хочу продолжить их дело. Они постоянно взывают ко мне!

— Погоди, не спеши с решением. Поживи у меня, осмотрись, подумай. — Отнар на мгновение замолчал и вдруг встревожено улыбнулся. — У тебя есть семья? Жена, дети?

— Нет, я один.

Старик облегченно вздохнул:

— Я покажу тебе своих дочерей. Поверь, ты нигде не найдешь более милых, добрых и работающих девушек. Хоть я и богат, но никогда не баловал их сверх меры. Они прекрасно умеют вести хозяйство, прядь нитки из шерсти, ткать полотно, шить... из любой из них получится прекрасная жена.

Не дав гостю опомниться, Отнар громко позвал:

— Девочки! Пойдите сюда! Познакомьтесь с нашим гостем!

В комнату, робко потупив глаза, медленно вступили одна за другой пять миловидных девушек, очень похожих друг на друга. Видимо, их мать принадлежала к другому племени, и, по счастью, дочери не унаследовали черты отца. На розовых пухлых щечках играли веселые ямочки, губы, яркие и влажные, манили и обещали сладкие поцелуи, руки, трепетно перебиравшие грубую ткань юбок, подрагивали, не то от волнения, не то от врожденной игривости, что мешала им долго стоять на месте.

— Дочери твои прекрасны, но... — начал было гость, однако хозяин перебил его.

— Я уже говорил: не торопись с решением. Поживи у меня. Ты шел долго, устал, наверное, в дороге. Вот и отдохни.

Киммерийский обычай позволил по-разному выбирать себе жену. Можно было просто заплатить выкуп отцу приглянувшейся девушки, можно было отработать за нее какой-то срок, который назначал отец прелестницы, можно было выкрасть невесту, причем ее согласие ничего не значило, а можно было и провести с ней ночь под кровлей ее собственного дома, и тогда долг чести обязывал назвать ее прилюдно своей женой.

Старый меховщик надеялся, что горячая кровь гостя взыграет, и кто-нибудь из его очаровательных дочерей разделит с ним ложе, и тогда северянин войдет в его семью на законных основаниях, и дело не пропадет, переданное в родные руки. Это, конечно, нельзя было назвать честным по отношению к молодому воину, но Отнар уже и не надеялся

вымолить милости у Богов, и его можно было и понять, и простить.

Ниун не догадывался, какие мысли бродят в голове у радушного хозяина и, зная, что наутро все равно продолжит свои трудные поиски, согласился оставаться в доме меховщика на ночь, проклиная себя за уступчивость.

Гостя устроили в отдельной комнате, приготовив ему пышное ложе, устланное самыми лучшими шкурами, какие только нашлись в доме, а уж Отнар знал в этом толк. Ниун и правда устал, и лишь стоило ему коснуться щекой мягкого, шелковистого меха, как он провалился в пустоту. Сон его оказался крепким и не принес столь долго мучивших Ниуна сновидений.

Тихий шорох разбудил молодого воина, и он, резко поднявшись, сел на своем великолепном ложе. В окно светила полная луна, освещавшая комнату достаточно ярко, чтобы разглядеть, что на пороге стоит одна из дочерей хозяина, едва прикрытая полосой какой-то тонкой ткани. Чудесные черные волосы, распущеные по округлым плечам, источали тонкий, едва уловимый аромат.

— Зачем ты пришла? — изумленным шепотом спросил Ниун.

— Ты пленил меня, воин. Я полюбила тебя с первого взгляда, — ответила девушка, смущенно опустив ресницы. — Можно я погорю с тобой? Только поговорю и уйду. — В ее дрожащем голосе было столько мольбы, что Ниун не мог ответить ей отказом.

— Присаживайся... Но что скажет твой отец, если застанет тебя в комнате у мужчины?

— Все так крепко спят, что никто ни о чем не догадается.

Юная прелестница кривила душой: она прекрасно знала, что отец, затаив дыхание, стоит за дверью и ждет удобного момента, чтобы войти и благословить молодых на долгую совместную жизнь.

— Ты так хороши, воин, — сказала девушка, садясь на край ложа. — Ты, наверное, видел так много... Расскажи мне о себе.

Ниун начал рассказывать о своем северном крае, о том, как любил и почитал отца, как горько оплакивал его раннюю гибель, как поклялся отомстить ненавистным рыжим псам за смерть отца, как верно выполнял свою клятву, обильно проливая кровь врагов, но в середине рассказа вдруг осекся и замолчал, почувствовав, что восторженная слушательница прижимается к нему все сильнее и сильнее, что ее нежная белая рука касается его плеча, груди, живота, скользит ниже... Язык северянина прилип к горлышку, кровь ударила в голову, он готов был прижать к себе теплую и податливую ночную гостью, как неожиданно скрипнула половица, и он понял, что за дверью кто-то стоит. Возбуждение, охватившее его, мгновенно схлынуло, и Ниун оттолкнул от себя соблазнительницу.

— Нет! — вскричал он. — Я человек чести, а жениться на тебе вовсе не собираюсь. Уходи. Девушке не место на ложе мужчины.

Дочь меховщика всхлипнула, вскочила на ноги и бегом бросилась из комнаты. Ниун вдруг понял, какую ловушку подготовил для него хитрый Отнар, и, не дожидаясь утра, оделся, взяв свой дорожный мешок и решительным шагом ступил за порог дома, где чуть не попался в ловко расставленные сети.

До рассвета было еще далеко, но Ниун спешил покинуть селение, где его пытались так коварно обмануть. На чистом небе ярко светила полная луна, и ее света вполне хватало опытному воину и охотнику, чтобы не сбиться с дороги. Он решительно ступил в густой лес, постояв немного, прислушиваясь к ночным шорохам и, не уловив никакой опасности, зашагал по направлению к югу.

Весна в этом году не спешила в Киммерию, и под ногами путника тихо похрустывал наст. Снег уже начинал подтаивать днем под лучами теплого солнца, но ночью, когда становилось заметно холоднее, снова подмерзал, покрываясь тонкой, непрочной корочкой. Идти было легко, и постепенно злость и досада, выгнавшие Ниуна из теплого дома, начала утихать. Он криво усмехнулся, вспомнив, как неожиданно скрипнула половица, и вдруг расхохотался, представив маленького сутулого меховщика, который, отвесив тяжелую челюсть, подслушивал под дверью в надежде, что неожиданный гость наутро станет долгожданным родственником. Отсмеявшись, киммериец покачал головой и дал себе слово впредь быть осторожнее с очаровательными девушкиами, которые без стеснения заходят ночью в комнату к молодому мужчине. Так недолго и свободу потерять!

Нет, Ниун вовсе не собирался прожить всю жизнь бобылем, но, помня, какими нежными взглядами порой обменивались его родители, мечтал встретить такую женщину, которая заставит гулко забиться его горячее сердце. Он искренне верил, что, когда увидит ее, внутренний голос подскажет ему: Она! За свою еще не очень долгую жизнь варвар видел разных девушек: и милых простушек, и замечательных красавиц, и тихих, безропотных, и гордых, своенравных. Все они были по-своему хороши, но ни одна не пробудила его внутренний голос, на который он так полагался. Однако Ниун не отчаивался, он был уверен, что его единственная где-то совсем недалеко, и рано или поздно их встреча состоится. У них будет дружная семья и обязательно много ребятишек - и сыновей, и дочек. Он обучит своих мальчиков всем тайнам дедовского ремесла, ибо сам непременно станет замечательным, знаменитым на всю округу кузнецом. Дочери будут помогать его жене хлопотать по хозяйству, готовить еду, шить одежду, прядь козью шерсть, ткать из нее полотно.

Ниун так размечтался, что даже не заметил, что ночь тихо подошла к концу и солнце поднялось над лесом, возвестив о начале нового дня. Киммериец замер, внимательно посмотрел по сторонам и прислушался. Совсем недалеко впереди висела узкая полоска тумана, которую колыхал прохладный утренний ветерок, а до ушей путника донесся еле уловимый плес воды. Где-то там, куда он направляется, была река, а возле нее, вполне возможно, расположилось какое-нибудь поселение. Прибавив шагу, он очутился на берегу неширокой, но очень быстрой лесной речки, совсем свободной ото льда. В пределах видимости не было ни одного дома, и путник решительно двинулся вдоль воды, не сомневаясь, что уже к вечеру ему посчастливится встретить людей. Ожидания не обманули его, и после короткого привала, во время которого Ниун слегка утолил голод подсохшей лепешкой и куском вяленого мяса (как жаль, что он не взял у меховщика никакой еды!), он довольно скоро увидел крыши деревянных домов и дым, поднимающийся над ними.

На окраине деревни, возле самой воды, на большой дубовой колоде сидел уже немолодой, но еще вполне крепкий мужчина и сосредоточенно долбил ее заточенным железным бруском. Увидев путника, мужчина оторвался от своего занятия и приветливо

улыбнулся:

— Откуда ты? Как тебя зовут?

— Ниун. Иду с севера. Хочу отыскать кузнеца, который согласился бы взять меня в ученики.

— Что ты, что ты! — замахал руками его собеседник. — У нашего кузнеца шесть сыновей. Его младшие, они примерно твоего возраста, даже подумывают, не подыскать ли им другое занятие. А может, ты пойдешь в ученики ко мне.

— Чем ты занимаешься?

— Я делаю лодки, — ответил мастер. — Меня зовут Вокнан. Сам понимаешь, живя возле реки, без лодок не обойтись. Да только вот семьи у меня нет. Жена уж две зимы как отправилась на Серые Равнины. Был сын, но уж не припомню когда погиб на охоте. Медведи у нас тут огромные, злобные... - Вокнан задумался, взгрустнув о своих родных, но быстро взял себя в руки и снова улыбнулся гостю: — Да что ж мы стоим тут? Заходи ко мне в дом. А то я все один и один, поговорить даже не с кем. Соседи, правда, заглядывают, но с новым человеком побеседовать куда интереснее. Заодно и хозяйство мое посмотришь. Может, надумаешь остаться.

Успокоенный тем, что у Вокнана нет семьи, а значит, никакие соблазнительный ручки не будут посягать на его свободу, Ниун кивнул и отправился вслед за мастером. С первого взгляда становилось ясно, что старик и правда уже давно один. Его дом одновременно служил ему и жильем, и мастерской. В углу просторной комнаты стояло широкое ложе, возле него - стол с накрытой деревянной миской, - видимо, еда, - и короткая широкая лавка. Все остальное пространство занимали инструменты. Здесь были и топоры, и широкие ножи с тупыми концами, и такие же бруски, как тот, которым Вокнан работал на берегу, и тяжелые деревянные молотки. Посредине стоял большой точильный камень, а возле него лежало несколько точильных брусков.

— Лодку, справную лодку, сделать совсем непросто, — пояснил Вокнан гостю. — Надо отыскать хорошее дерево, крепкое и ровное, и обязательно попросить Духов Леса, чтобы они разрешили его взять, а то лодка быстро сгниет. Но это только начало. Поваленное дерево должно высохнуть. Сохнет оно долго, и я в это время вырезаю для будущей лодки весла. На это обычно уходит зима. Весной я начинаю обрабатывать колоду. Сначала нужно придать ей подходящую форму. Это дело непростое и требует много времени. Хорошо, если успею до холодов. А если нет, приходится снова ждать тепла. И тогда начинается самое главное и самое трудное - наступает пора долбить колоду, чтобы из нее получилась настоящая лодка, легкая, прочная, с тонкими бортами. Приходится снимать дерево очень маленькими кусочками или тоненькими слоями, чтобы не повредить, не испортить дерево. А когда все сделано, предстоит еще обратиться к Духам Воды, чтобы они позволили лодке плавать. Не договоришься с ними - считай, зря трудился...

Мастер, казалось, мог говорить о своем ремесле дни и ночи напролет. Гость вежливо слушал его, но взгляд Ниуна рассеяно блуждал по бревенчатым стенам, по закопченному потолку, все чаще останавливаясь на закрытой миске. Он устал и уже хотел есть, а хозяин, забыв обо всем на свете, все говорил и говорил, рассказывая, как любит ходить по лесу в поисках подходящего дерева, почему не всякая древесины годится для его дела, как надо затачивать долото (вот как, оказывается, назывался тот бруск в его руках), как правильно вырезать молоток, необходимый для работы... вдруг Вокнан резко замолчал, а затем, ударив себя по лбу, воскликнул:

— Совсем я заболтался! Да ты садись, вон лавка. Я сейчас покормлю тебя. Я недавно закончил лодку, и мне принесли и мяса, и рыбы, а соседка испекла свежих лепешек. Замечательно они у нее получаются. Перекусим, а ты мне расскажешь о себе.

Ниун кивнул, обрадованный, бросил на пол свой дорожный мешок, который, пока хозяин разглагольствовал, держал в руках, и тяжело опустился на деревянную скамью. Хозяин не обманул, и вскоре на столе появилась всевозможная снедь. Ниун, с удовольствием пережевывая свежайшую рыбку, запеченную на угольях, поведал Вокнану свою историю. Тот сочувственно кивал, не перебивая, а когда гость замолчал, спросил:

— Может, все-таки останешься у меня? Мое ремесло ничуть не хуже кузнецкого дела.

— Не хуже. Но зов предков не заглушишь просто так, потому что он надоел. Им нельзя отказывать. Я не могу прекратить свои поиски.

— Жаль. Очень жаль. Не буду тебя уговаривать. Но поживи у меня хотя бы пару дней. Тебе отдых, а мне радость.

Киммерийцу было жаль этого замечательного старика, и он согласился побыть немного в доме лодочника.

К вечеру того же дня, прослышиав о чужаке, остановившемся у Вокнана, к старому мастеру зашли двое младших сыновей местного кузнеца. Увидев их, Ниун решил, что зрение изменило ему, настолько эти статные мускулистые юноши походили друг на друга: одинаковый рост, одной ширины могучие плечи, черные волосы, ослепительно голубые глаза. Высокие лбы и длинные носы братьев говорили о том, что в их жилах текла кровь туногов и райдов. Эти племена всегда желе по соседству, и мужчины райдов нередко заглядывались на женщин туногов. Даже голоса поздних гостей были похожи. И имена.

— Рулан и Релан.

Лодочник был неправ, утверждая, что они одного возраста с Ниуном. Юноши пережили вряд ли более восемнадцати зим и совсем немного успели повидать на своем веку. Они очень боялись показаться северянину желторотыми юнцами, и потому, пока он рассказывал всякие истории о жизни своей деревни, о битвах с ванирами и охоте на диких зверей, оба сурово хмурили брови, с важным видом кивали и изредка вставляли короткие замечания, казавшиеся им многозначительными. Несмотря на все их старания Ниун время от времени посматривал на них с отеческой снисходительностью. Услышав, что он скоро отправится дальше, на поиски кузнеца, который возьмет его в учение, юноши попросились с ним. Ниун задумался, а потом осторожно, не желая обидеть юношей, сказал:

— Я не знаю, что меня ждет в пути. Будет он легким или опасным - то ведомо лишь Богам. Как я могу брать попутчиков, если едва знаком с ними?

— Испытай нас! — вскричал Рулан и сам устыдился своей горячности.

— Как?

— В наших лесах, совсем неподалеку, за рекой обитает свирепый медведь. От его клыков погибли уже несколько человек, — пояснил Релан. — Ты опытный охотник, в нашем селении таких нет. Давай отправимся все вместе к его берлоге. И нас в деле испытаешь, и всем поможешь, если сумеем завалить кровожадную тварь.

— Пожалуй, можно бы попробовать. Но у меня с собой лишь меня да лук со стрелами. А на медведя нужны рогатины и копья.

— О чем ты говоришь! — тут же отозвался Рулан. — У отца есть рогатины, а наконечники для копий никто не делает лучше его. Он с удовольствием даст нам все необходимое.

На то и порешили. Договорившись, что завтра же и отправятся на охоту, Ниун и братья-близнецы попрощались. Рулан и Релан пошли разговаривать с отцом, а варвар начал устраиваться на ночлег.

Утро выдалось ясным и слегка морозным, но холодный воздух не обжигал легкие, а лишь приятно бодрил охотников. Они быстро переправились на другой берег на прекрасной легкой лодке, которой было очень просто управлять, и вступили в глухой лес, заваленный буреломом. Старые толстые, уже подгнившие стволы густо переплетались с тонкими, хрупкими, совсем сухими ветками более молодых деревьев и кустарников. Порой завалы были столь велики, как будто Лесные Духи сложили здесь доя себя поленницу. Однако бурелом оказался вполне преодолимым, и вскоре охотники вышли на узкую тропку, вилявшую между поваленными деревьями. Когда-то сильный ветер выдернул их из земли вместе с корнями, и они подняли огромные пласти земли, словно выстроили высокую бугристую стену. На первый взгляд стена выглядела сплошной, но когда Ниун проследил за рукой Рулана, то увидел, что в одном месте земля осыпалась и образовала довольно обширный пролом.

Пробравшись через этот лаз, Ниун увидел высокий сугроб, а на нем - темное пятно, пожелтевшее от смрадного дыхания зверя.

— Надо его спугнуть, — шепотом пояснил он братьям.

Оба согласно кивнули, а затем Релан предложил:

— Мы встанем здесь, а ты зайди с другой стороны и постарайся проткнуть сугроб копьем. Медведь выскочит прямо на нас, тут-то мы с ним и разделаемся.

— Справитесь? - с сомнением посмотрел на юношей Ниун.

— Если нет, то на что мы вообще годимся? - резонно ответил Релан.

Братья о чем-то посовещались между собой и подготовили рогатину, чтобы достойно встретить хищника: "рога" - к сугробу, а противоположный конец - поглубже в снег. Рулан держал рогатину, чтобы она не опрокинулась в самый неподходящий момент, а Релан взял тяжелое копье с длинным и острым металлическим наконечником. Оба замерли.

Ниун обогнул сугроб, примерился и изо всех сил воткнул длинное копье в рыхлый снег. Ожиданию, казалось, не будет конца, но вот из-под снега, донеслось глухое рычание разбуженного зверя, быстро перераставшее в дикий свирепый рев. Сугроб заходил ходуном, и Ниун понял, что ему пора присоединиться к братьям. Кто знает, как поведут себя эти юнцы, оказавшись один на один со злобным голодным медведем?

Вдруг снег начал быстро осыпаться, и прямо над головой варвара показалась оскаленная медвежья морда. С желтых клыков длинной не менее пальца крупными хлопьями падала пена, стекавшая по бледно-розовому языку. Охотник замахнулся, но зверь, испугавшись спросонья, отпрянул.

Неожиданно оттуда, где стояли Рулан и Релан, донесся пронзительный крик. Сжимая в кулаке тяжелое оружие, Ниун ринулся к братьям. Открывшаяся картина ужаснула его: на истоптанном окровавленном снегу выделялась косматая бурая туша, отчаянно молотившая лапами, а из-под нее торчали ноги Рулана. Побледневший от страха или от ярости - кто разберет? - Релан изо всех сил вонзил в хищника копье, вытаскивая его и снова вонзил. Медведь, похоже, не замечал ничего, кроме своей жертвы.

Ниун в два прыжка очутился возле зверя и, повинувшись природному чутью, нанес один-единственный резкий удар. Медведь рванулся назад, и древко копья с громким треском переломилось. Зверь изумленно посмотрел на обломок и, совсем как человек, ухватился за

него палами. Постояв в оцепенении, он вдруг рухнул навзничь. Ниун бросился к нему, выхватывая на ходу большой охотничий нож, и, подбежав к поверженному медведю, одним быстрым движением перерезал тому глотку. Кровь хлынула на снег, хищник последний раз дернулся и затих.

Релан хлопотал возле брата, вытирая ему лицо пригоршнями чистого снега. Рулан вдруг открыл глаза, слабо улыбнулся и спросил:

— Добили гадину?

— Добили, добили, — успокоил его Ниун. — Лежи спокойно. Сейчас сделаем носился и доставим тебя домой. Ничего страшного. Скоро встанешь на ноги.

— Так ты возьмешь нас с собой?

— Молчи, тебе надо беречь силы.

— Возьмешь?

— Вот упрямец! Возьму.

Рулан удовлетворенно вздохнул и мгновенно погрузился в глубокий сон.

Ниун никогда не нарушал данного слова. Недаром говорили: "Киммериец никогда не сделает то, что ему приказывают, но всегда выполнит то, что обещал". И не его вина, что он не смог выполнить до конца обещание, данное Рулану. Раны юноши оказались, хоть и не опасными для жизни, но все же достаточно серьезными, чтобы тот еще долго не мог покинуть дом. Лекарь, который, по счастью, жил неподалеку, осмотрел его и заявил, что выздоровление будет долгим и вряд ли Рулан сможет ходить на большие расстояния прежде, чем листва на деревьях сменит цвет с зеленого на желтый и начнет падать на землю.

Так долго Ниун ждать не мог, и поэтому тронулся в путь, взяв с собой лишь одного из братьев, Релана. Идти вдвоем оказалось намного легче и веселее, и за два дня путники продвинулись довольно далеко на юг. Чем дальше они шли, тем сильнее чувствовалось приближение весны. Пару раз Ниун с Реланом попали под сильнейший дождь, который почти смыв остатки снега, еще серевшие под корнями деревьев с развесистыми кронами и в густых низких кустарниках, словно слизнул их длинным влажным языком. На открывшейся черной земле начали пробиваться первые робкие цветы, мхи, умытые живительной влагой, заиграли радостной зеленью, все чаще и чаще слышалось щебетание птиц, которые принялась вить гнезда, почки на лиственных деревьях набухли, и в лесу запахло свежестью и теплом.

Еще один день подошел к концу, и путники, увидев могучий дуб, корни которого высоко поднялись из земли и образовали некое подобие пещеры, решили остановиться тут и заночевать. Разожгли невысокий костер, развязали дорожные мешки и вынули снедь. Припасов оказалось не так уж и много, и Релан, тщательно пережевывая спинку вяленой рыбы, задумчиво проговорил:

— Сейчас бы кусок свежего, слегка обжаренного на костре мяса...

— Почему бы и нет? — живо откликнулся его спутник. — Ты видел неподалеку олений помет? На рассвете можем выследить того, кто его оставил, и поедим вволю, и с собой возьмем.

На то и порешили. Ночная мгла еще не успела полностью рассеяться, как путники были уже на ногах, готовые выйти на охоту. Оба уже имели достаточный опыт, и им не надо было объяснять, что и как делать. Пристально вглядываясь во влажную лесную почву, они довольно быстро обнаружили свежие следы животного, однако Ниун, покачав головой, сказал:

— Видишь, копыто широкое, тупое. Это самка. Ни один уважающий себя охотник не тронет ее весной. Ей надо растить детей. Но где-то недалеко должен быть и самец. Пошли.

След самца обнаружился скоро, и охотники, затаив дыхание, ступая почти неслышно, двинулись за лесным красавцем.

— Смотри, — шепотом остановил Ниуна Релан. — Ветка сломана. И еще покачивается. Олень был здесь совсем недавно.

Ниун нагнулся, сорвал кусочек совершенно сухого мха, подбросил его в воздух и проследил, куда он полетит. Затем удовлетворенно кивнул:

— Ветер дует в нашу сторону, значит, зверь не может нас учゅять. Приготовь стрелы. Он должен быть где-то совсем близко. - Неожиданно впереди раздался громкий треск, который начал быстро удаляться.

— Отродья Нергала! Пьяные псы! — сквозь зубы выругался Ниун и, повернувшись к своему спутнику, пояснил: — Похоже, кто-то еще решил поохотиться на нашего оленя, но только спугнул его. Придется пока забыть о куске свежего мяса.

— Давай пойдем к этому горе-охотнику. Таких олухов надо наказывать, - разгорячился Релан.

— Не спеши. Мы о нем знаем, а он о нас нет. Лучше сначала присмотреться. Может быть, там и не охотник вовсе.

Оба замолчали, прислушиваясь к лесным голосам. Стояла тишина. Даже птицы перестали петь, и это насторожило Ниуна: кто-то их потревожил, и они затаились. Значит, надо быть осторожными.

— Сейчас вернемся к месту нашей стоянки, - сказал он своему спутнику. - Соберем вещи, а потом постараемся выяснить, кто это бродит по лесу, как хозяин. Похоже, селений поблизости нет, и вряд ли это охотники зашли так далеко.

— Ты слишком недоверчив.

— В чужом месте ничего не бывает слишком, а уж осторожность и вовсе никогда не вредит. Не обижайся, но ты еще молод и, наверное, не знаешь, что такое ванирские набеги.

— Я слышал о них, но к нам эти собаки еще ни разу не попадали.

— Тебе повезло. А мне приходилось с ними сталкиваться. И не раз. Рыжие шакалы лишили меня и отца, и матери.

— Твоя мать тоже погибла?

— Нет, они украли ее, когда я был совсем мальчишкой. Тогда из нашего селения пропали несколько самых красивых женщин. Эти ледяные крысы часто охотятся на наших женщин, и время от времени уходят с богатой добычей.

Ниун надолго замолчал, вновь переживая события того ужасного дня. Было ласковое летнее утро, и ничто не предвещало беды. Ваниры налетели неожиданно, словно свалились с гор, как лавина или как камнепад. Их было так много, что, казалось, все мужчины Ванахейма пошли в поход на маленькое киммерийское селение. Они не грабили. Они несли с собой смерть. Много хороших воинов полегло тогда, но и стариков и детей не пощадили кровожадные враги. Только женщин не трогали они. Захватчики ловили несчастных на бегу, взваливали на плечи, как мешки, и тут же молниеносно исчезали. Их прикрывали сильные и беспощадные воины. Никто даже не успел толком понять, что происходит, как набег закончился. Никогда еще киммерийцы не переживали такого сокрушительного поражения. Даже старейшины не могли припомнить случая, когда племя не успело бы послать соседям Окровавленное Копье.

Этот древний обычай знаком каждому киммерийцу чуть ли не с рождения. Если племя нуждается в помощи, вождь созывает другие племена, направляя к ним гонцов с копьями, вымазанными кровью. Если бой уже идет, то копье окунают в кровь врага, если же просто угроза слишком серьезная, то кровь жертвуют воины племени, посылающего зов. Так или иначе, но на этот зов откликаются все, забыв даже о внутренних распрях. Против собранного Окровавленным Копьем войска за всю историю Киммерии еще не устоял ни один враг.

Ниун сжал кулаки так, что хрустнули суставы. Он любил мать. Она была гордая, сильная, смелая, умела обращаться с мечом и кинжалом, но в то же время походила на доверчивого ребенка. В ее голосе, походке, жестах сквозило столько нежности, ласки, изящества, что порой она выглядела совершенно беспомощной, ее хотелось укрыть, защитить, окружить заботой. Что с ней теперь? Ниун нисколько не сомневался, что она ни за

что не согласилась бы разделить ложе с немилым ей человеком, она скорее отправилась бы на Серые Равнины, прихватив с собой, если бы только смогла, и насильника. Но она была лучшей в селении мастерицей. Так что, скорее всего, ей сохранили жизнь, но, видимо, она вынуждена работать на жестокого хозяина и тихо умирает тоскуя о навсегда потерянных для нее родных краях и близких людях.

О, как ненавидел он своих врагов! И если только они снова отважились опоганить киммерийскую землю своими грязными ногами, они пожалеют о том дне, когда появились на свете.

Собрав вещи и тщательно уничтожив все следу костра, Релан и Ниун, ступая бесшумно, словно тени или Духи Леса, отправились на поиски тех, кто спугнул их охотничьью добычу. Дойдя до того места, где они повернули обратно, путники затаились и прислушались. Ни одного постороннего звука, лишь ветер шелестел ветвями деревьев, да снова щебетали умолкнувшие было птицы. Стараясь наступать на кочки, покрытые плотным мхом, или на выглядывавшие из земли корни деревьев, чтобы не оставлять следов, киммерийцы очень медленно двинулись дальше. Вдруг Ниун остановился и тихонько тронул за рукав Релана: слева виднелось кострище, которым еще курился легкий дымок. Небольшая полянка была густо усеяна всевозможными следами, и варвары, опустившись на четвереньки, принялись читать оставленное им "послание".

— Смотри, — шепнул Релан, указывая на раскинувшийся неподалеку кустарник.

От поляны к кустам шли четкие цепочки отпечатков, которые надежно сохранила мокрая от недавнего дождя земля. Маленькие ножки, оставившие одну из цепочек, похоже, очень спешили: передняя часть следа была явно глубже. За ними гнался обладатель огромных широких ступней. Возле кустов он, видимо, нагнал жертву: вся земля там была истоптана. Затем следы вернулись к костру, возле которого сидели еще не менее пяти-шести человек. Ниун внимательно осмотрел поляну и в низких кустиках вереска нашел длинную изящную серьгу, сделанную из тончайших медных нитей, которые сплетались в тонкий замысловатый узор. Таких великолепных украшений ему еще никогда не приходилось видеть. Он молча протянул ладонь с лежащей на ней находкой Релану. Тот изумленно вскрикнул, но быстро зажал себе рот рукой, а затем шепотом сказал:

— Я видел однажды такую блестящую работу. Эти украшения делают мастера из селения, лежащего далеко на юге, у самого подножия гор. Они, правда, иногда торгуют своими изделиями, но очень редко. Как эта серьга могла попасть сюда?

— Боюсь, что кому-то опять приглянулись наши женщины. Видишь, здесь не только мужские следы. И одна из пленниц пыталась скрыться. Если бы они просто шли куда-то, никто не стал бы убегать.

— Но почему они забрались так далеко? Ты ведь говорил, что женщины воруют в основном ваниры. А если это так, то на их пути лежала не одна деревня.

— Вот это нам с тобой и предстоит выяснить. Не оставим ведь мы беспомощных женщин в руках у вонючих шакалов!

Ниун был очень близок к истине. Они с Реланом наткнулись на следы остатков ванирской шайки, которая, возомнив, что никто не сможет сравниться с ними в силе и ловкости, двинулись на промысел в Аквилонию. Но там с них быстро сбили спесь, и почти все разбойники бесславно полегли на чужой земле. Остались лишь четверо, которые еле-еле смогли унести ноги.

Разозленные неудачей, они выкрали в трех разных селениях девушек. Невелика, конечно, добыча, но в открытую ваниры не рискнули напасть, а потихоньку сумели справиться только с тремя беззащитными созданиями. Правда, киммерийских женщин трудно было назвать беззащитными, но совладать каждой с четырьмя могучими мужчинами уж никак не могла.

"Добыча" оказалась с характером, и похитители торопились поскорее привести свои жертвы в Ванахейм, чтобы выручить за них хоть что-нибудь, что оправдало бы неудачный

поход, ибо вернуться домой совсем с пустыми руками они не могли. Такого позора их соплеменники никогда бы им не простили. Именно торопливостью объяснялось то, что они шли по киммерийским лесам почти не таясь.

Выследить похитителей оказалось совсем несложно, и скоро Ниун с Реланом услышали, как хрустят сучья под ногами неосторожных врагов. Оба замерли на мгновение, затем тихо достали кинжалы и начали неслышно подкрадываться к обнаглевшим мерзавцам. Спрятавшись за старым деревом, ствол которого могли обхватить лишь двое взрослых мужчин, Ниун тихонько выглянул. По лесной тропе, нисколько не скрываясь, шли четыре ванирских воина и три плененные ими девушки. Два разбойника возглавляли процессию, еще двое замыкали ее.

Впереди шагал невысокий, крепко сбитый мужчина с квадратным лицом. Его светло-серые глаза смотрели только вперед, тонкие губы были плотно сжаты, в огромной, словно кувалда, ладони он держал большой охотничий нож. Рядом с ним мелкими шажками трусил довольно щуплый человечек с редкими светло-рыжими, почти розовыми волосами, острым носом и безвольно скощенным подбородком. Однако его легкие движения выдавали ловкость и гибкость, а потертые ножны, висевшие на боку, говорили о том, что мечом этот человек пользовался нередко и, пожалуй, был даже более опасным противником, чем его тяжелый и неповоротливый спутник.

На девушек Ниун сначала даже не взглянул: его гораздо сильнее интересовали те, с кем ему с минуты на минуту придется вступить в бой. Справиться с идущими сзади, скорее всего, будет достаточно просто. Незнакомые с лесом, они то и дело спотыкались, шипя сквозь зубы проклятия, и, похоже, их больше интересовали пленницы, чем их собственная безопасность. Однако они были воинами, и их бледные лица украшали многочисленные шрамы, но, хоть оба и оглядывались все время по сторонам, ни один не заметил преследователей, что, конечно, было на руку киммерийцам.

Ниун жестом подозвал Релана и, когда тот мгновенно очутился рядом, шепнул:

— Ты когда-нибудь метал ножи?

Релан пожал плечами.

— Приходилось, но не могу похвастаться особой меткостью. Правда, у этих тварей широкие спины, и вряд ли я промахнусь.

Ниун нахмурился:

— Плохо. Но выбора у нас нет. Одновременно со всеми мы вряд справимся. Да и пленницы будут в опасности, если драка затянется. Сделаем так. Подкраднемся поближе, и по моему сигналу метнем кинжалы. Если сумеем сразу поразить двоих, с оставшимися сложностей не будет.

Они прибавили шагу, все также не производя ни малейшего шороха, и, когда до ваниров оставалось расстояние, немного меньше полета стрелы, Ниун дал знак приготовиться. Потом он кивнул, прицелился и бросил нож. Тот мягко вошел в спину одного из разбойников и прочно застрял между лопатками. Не успев даже вскрикнуть, высокий мужчина с могучими плечами ткнулся лицом в серый ноздреватый снег.

Релану повезло меньше. Как он и опасался, метким его бросок назвать оказалось трудно. Его кинжал, описав в воздухе дугу, коснулся поясницы ванира, распорол куртку, прочертил на теле красную полосу и со стуком упал на толстый корень, о который раненный тут же споткнулся.

Идущие впереди воины резко обернулись, хватаясь за рукоятки мечей, и увидели, как из

ближайших зарослей на них выскоцили два разъяренных киммерийца. Глаза нападавших горели, а из широко раскрытых ртов несся боевой клич, от которого кровь леденела в жилах.

Девушки бросились в сторону. Раненный быстро поднялся на ноги и тоже выхватил меч. Началась драка.

Релан, не переставая кричать, кинулся на раненного, их клинки скрестились, зазвенев и высекая искры. Противник оказался опытным воином и успел нанести юному варвару несколько ран, прежде чем тот, изловчившись, отсек ваниру кисть правой руки. Ванир попытался было левой рукой достать прикрепленный к поясу кинжал, но не успел: клинок Релана пронзил его грудь. Дикая, всепоглощающая радость захлестнула его: в Киммерии юноша мог считаться мужчиной лишь после того, как обагрил свое оружие кровью врага. И наконец-то долгожданный миг настал!

Обернувшись к оставшимся, юноша замер на мгновение, залюбовавшись тем, как красиво ведет бой Ниун. Он, казалось, летал, возникая в самых неожиданных для противника местах, ловко и отбивал, и наносил удары, и оба ванира, столкнувшихся с таким замечательным воинским искусством, выглядели слегка озадаченными. Однако это нисколько не мешало им отчаянно защищаться и даже время от времени нападать, поэтому любоваться боем Релану было некогда. Он поспешил на помощь.

Щуплый человечек оказался и правда опытным воином. Он легко ушел от выпада Ниуна и так же ловко увернулся от занесенного над ним меча Релана, а затем мгновенно переключился на нового противника. Он двигался, как ураган, и его клинок то и дело касался то руки киммерийца, то бока, то щеки, не причиняя тому, однако, почти никакого вреда, словно ванир хотел позабавиться, а не уничтожить врага.

— Давай, давай, — вдруг усмехнулся остроносый, — попрыгай. Ты шустрой малый. Тебя с удовольствием купят в Ванахейме.

Так вот в чем было дело! Он просто не сомневался в своей победе и хотел сохранить будущего раба целым и невредимым. Хуже рабства ни один киммериец не мог себе представить ничего, он скорее согласился бы на вечное скитание по Серым Равнинам, чем на железный ошейник. Релан почувствовал, как гнев горячей сильной волной поднимается в его душе, и, издав душераздирающий вопль, опустил свой меч на голову наглеца. Тот, похоже, не ожидал от юнца такой прыти и не успел увернуться. Голова с треском раскололась, и в лицо Релану брызнули мозги. Смахнул со лба и с глаз кровавое месиво, юноша обернулся к Ниуну.

Поединок киммерийца с коренастым ваниром продолжался, но было ясно, что ванир проигрывает. Вот он несколько раз оступился, вот сделал неточный выпад, и его меч содрал кору с дерева, даже не задев Ниуна, вот он не успел отвести удар, и на его щеке, обильно кровоточа, раскрылась глубокая рана. Наконец он ошибся в последний раз, и голова с изумленно распахнутыми светло-серыми глазами отлетела в заросли вереска. Грузное тело сделало шаг вперед, словно намеревалось ее поймать, и тяжело повалилось в мох.

Бой был закончен. Победители переглянулись, вытерли окровавленные клинки и одновременно убрали их в ножны. Не успели они опомниться, как из кустов, громко визжа, плача и смеясь одновременно, выскоцили три девушки и повисли на шеях своих освободителей.

- Кто вы?
- Вас послали Светлые Боги!
- Мы уже ни на что не надеялись!
- Но мы пытались бежать!

— Вы блестящие воины!

Казалось, все три девушки говорят разом.

— Замолчите! — рявкнул Ниун, у которого голова уже пошла кругом от этих криков.

Девушки испуганно затихли.

— Замолчите, — уже спокойно повторил киммериец. — Кто-нибудь может вразумительно объяснить, кто вы и как эти дохлые псы, — он пнул ногой обезглавленный труп, — поймали вас?

Он внимательно взглянул на застывших в молчании девушек, и вдруг почувствовал, как сердце его подступило к горлу, а внутренний голос, на который он так долго надеялся, закричал, завопил, заорал: Она! Она! Она!

Ниун с Реланом быстро развязали веревки, которые образовывали на ногах пленниц петли. Пока Ниун разжигал костер, Релан наломал сухих веток, усадил на них девушек и достал из дорожного мешка остатки припасов. Поев и немного отдохнув, девушки начали потихоньку приходить в себя. Все они были молоды - шестнадцать-семнадцать зим, не больше - и потому умели быстро забывать горести и лишения. Радость от вновь обретенной свободы скоро заслонила все другие чувства, и они защебетали, словно птички, порхающие с ветки на ветку.

Первой заговорила высокая черноволосая красавица. В ее ярко-синих, как у большинства киммериек, глазах испуг и отчуждение давно сменились весельем, лукавством и даже кокетством.

— Меня зовут Ланга. Мое селение находится всего в двух днях пути отсюда, и эти гнусные твари поймали меня последней. Я пошла в лес за хворостом, но, видимо, ушла слишком далеко, и поэтому моих криков никто не услышал. Я сопротивлялась, как могла, но разве слабая девушка может вырваться из рук бывалого воина? — При этих словах Ланга игриво взглянула на Ниуна, но он лишь серьезно кивнул, и она продолжила: — У моих родителей нет детей, кроме меня, и я надеялась, что они бросятся в погоню, но этого почему-то не произошло. Мой отец — лучший в округе плотник. Никто не умеет так работать с деревом, как он. Проводите меня домой — и вас ждет щедрая награда.

— Конечно, мы отведем тебя, — ответил Ниун. — Но вовсе не из-за награды.

— А я Санта, — заговорила вторая девушка.

На ее нежных щеках играл яркий румянец, а пушистые ресницы вздрагивали, когда она поднимала глаза на Релана. Похоже, юноша очень понравился ей, да и он не остался равнодушным, что не ускользнуло от наблюдательного Ниуна.

— Я живу немного дальше. На самом краю нашей деревни есть замечательный ручей, вода в котором всегда очень холодная и чистая. Я отправилась за водой, но не успела даже набрать ее, как из зарослей выскоцил тот громила, которого ты, — обернулась она к Релану, — так ловко поразил. Он схватил меня, зажал рот своей огромной ручищей, и я не смогла даже позвать на помощь. Я живу одна. Мои родители давно мертвы: отец погиб на охоте, когда я была совсем маленькой, а мать умерла прошлой зимой. Меня никто не ждет, но и мне хотелось бы вернуться домой. Куда же мне еще идти?

При этих словах Релан подался вперед, словно хотел что-то сказать, но вдруг передумал, густо покраснел и отвел глаза.

— А ты? — обернулся Ниун к третьей девушке.

Он старался не смотреть на нее, чтобы не выдать волнения, которое душило его, словно жесткая петля. Девушку нельзя было назвать красавицей, как Лангу, но невыразимое очарование, исходившее от нее, словно божественное сияние, вызывало дрожь в руках опытного воина. Длинные волосы цвета старой меди волнами струились по плечам, как воды спокойной реки, серые с едва уловимым оттенком зелени глаза смотрели прямо и открыто, яркие губы казались чуть приоткрытыми. Она не отрываясь глядела на Ниуна, словно когда-то давно уже встречала его и теперь пыталась вспомнить, где и когда.

— У меня редкое имя — Маев. Я живу далеко на юге, у подножия гор. Наше селение большое и богатое. Если ваш путь лежит в те края, не могли бы вы меня проводить?

Ниун сумел только кивнуть в ответ, ибо голос вдруг отказал ему. Наступила недолгая тишина, которую нарушила Ланга.

— А кто вы, доблестные воины? Каких Богов мы должны благодарить за то, что вы так вовремя оказались на нашем пути? Страшно подумать, какая участь ожидала нас, если бы не вы.

— Меня зовут Релан, — отозвался юноша. — Здесь неподалеку протекает река, на берегу которой стоит мое селение. Я младший сын кузнеца. У меня еще пять братьев. Вряд ли отец будет обучать меня своему ремеслу — эта честь достанется старшим. Вот я и отправился в путь, чтобы как-то изменить свою жизнь. Но теперь я подумываю, не вернуться ли домой? У нас есть прекрасный мастер-лодочник, Вокнан. Его сын погиб, и нет теперь у него преемника. Он с радостью усыновит меня и передаст свое умение. Может, не стоит бежать от своей судьбы?

Сказав это, Релан выразительно посмотрел на Санту. Она смутилась и отвела глаза, но, похоже, правильно поняла слова юноши и была согласна с ним.

Ниун откашлялся и начал рассказывать о себе.

— Мать дала мне имя Ниун. Живу на самом севере, тоже у гор. Когда-то давно в нашем селении случилась большая беда: во время набега ваниров погиб наш кузнец, и селение осталось без мастерства. Он был моим отцом, но я не успел перенять его дело. Теперь брожу от деревни к деревне, пытаясь найти мастера, который взял бы меня в ученики. Мне все равно, куда идти, и, конечно же, я провожу вас. Если вы отправитесь одни, кто знает, какая беда еще может с вами приключиться?

Ланга жила ближе всех, и никто не возражал, что сначала нужно отвести домой ее. Однако два дня - это тоже не самый короткий путь, а от съестных припасов совсем ничего не осталось, да и организовать ночлег для двух привыкших к лесам мужчин - это совсем не то, что удобно устроить девушек, никогда прежде не покидавших своих домов.

Забот у Ниуна с Реланом прибавилось, но такие хлопоты не тяготили киммерийцев, а, наоборот, вносили приятное разнообразие в их путешествии. Наскоро собрав пожитки, все отправились в дорогу, намереваясь к вечеру присмотреть место поудобнее и устроить привал.

— Жаль, что мы упустили оленя, — шепнул Релан Ниуну. — Чем будем кормить девушек?

— В лесу полно зверья. Можно отыскать след другого оленя или поохотится на кабана.

Вдруг прямо из-под ног юноши выскочил пушистый белый комок и мгновенно скрылся в ближайших кустах.

— Заяц! — воскликнул Релан. — Ты когда-нибудь пробовал его мясо?

— Мы почти никогда не охотимся на них. Разве что из-за шкурок. Но он вот-вот начнет линять, и мех у него сейчас плохой.

— А нам и не нужен мех. Наловим зайцев, и у нас будет прекрасный ужин.

— Чего проще? стрел у нас полно, — воодушевился Ниун.

— Мы никогда не охотились на зайцев со стрелами.

— Но ты же сам сказал, что нам не нужен мех. Я хорошо стреляю из лука.

— Как хочешь. Попробуй, — пожав плечами, согласился Релан.

— Ты веди девушек строго на юг, а я отправлюсь за добычей. Потом нагоню вас.

Довольно скоро Ниун понял, что зря не прислушался к словам Релана. Зайцев в этих местах оказалось полным-полно, они то и дело мелькали в густых кустарниках, но близко подойти к ним не удавалось, так как в перепутанных ветвях невозможно было как следует

натянути тетиву, а пущенные издалека стрелы отскакивали от кустов, не причиняя белым пушистым зверькам никакого вреда. Вконец измучавшись, Ниун умудрился-таки пристрелить трех зайцев, но при этом потерял столько времени, что его хватило бы на хорошо подготовленную облаву на кабана.

Когда Ниун догнал своих спутников, те уже, облюбовав место для привала, начали устраиваться на ночлег. Релан хлопотал возле костра, а девушки, с неожиданной ловкостью орудовавшие ножами, нарубили еловых лап и сооружали из них некое подобие лежанок. Все слегка притомились, и поэтому появление Ниуна с добычей было встречено восторженными восклицаниями: голод давал о себе знать.

Маев бросила на Ниуна мимолетный взгляд, улыбнулась кончиками губ и тут же отвернулась. То ли резкий поворот головы, то ли внезапный порыв ветра были тому причиной, но тяжелая каштановая прядь колыхнулась и открыла маленькое розовое ушко, в котором покачивалась серьга. Точно такая же, как и найденная Ниуном на лесной поляне. "Так это она пыталась бежать! - догадался он. - И не сказала об этом ни слова. Удивительная девушка!" Он бросил тушки кроликов на землю, поднял свой дорожный мешок, порылся в нем и достал серьгу.

— Возьми, — протянул он девушке открытую ладонь, на которой лежало потерянное ею украшение.

Маев удивленно посмотрела на протянутую руку, затем медленно провела кончиками пальцев по мочке своего уха и улыбнулась:

— Где ты ее нашел?

— В лесу. Она помогла нам отыскать вас.

— Спасибо, — непонятно за что поблагодарила девушка, то ли еще раз за спасение, то ли за найденную сережку, и взяла ее с ладони Ниуна.

Как только кончики тонких пальцев коснулись его загрубевшей руки, молодому воину показалось, что сверкнула молния и поразила его в голову. В глазах потемнело, и лишь вспышки ярких искр освещали мглу, на мгновение накрывшую его. Когда он вновь обрел способность видеть, Маев уже снова хлопотала у сооружаемой ею лежанки, почему-то стараясь не оглядываться.

Чтобы как-то опомниться от нахлынувших на него чувств, Ниун занялся разделкой зайцев. К нему присоединился Релан, который уже закончил возиться с костром.

— Ну как тебе охота со стрелами? — ехидно поинтересовался юноша.

— Ты, пожалуй, был прав. Их надо ловить иначе, — честно признался Ниун. — А как это делаете вы?

— Мы? Очень просто. Находим место, где больше всего следов, собираем тонкий хворост или режем подходящие ветви и плетем из них изгородь. В ней проделываем несколько отверстий, а к ним прикрепляем петли на длинных палках, слегка закрепленных на изгороди. Как только зверек сует в петлю голову, палка соскакивает, поднимается и затягивает веревку.

— И правда просто. Если завтра нам не попадется другой добычи, наловим зайцев твоим способом.

За разговорами они быстро освежевали тушки, отыскали несколько подходящих палочек и зажарили нежное свежее мясо, держа его над костром и время от времени переворачивая. Пока мужчины занимались приготовление еды, девушки закончили лежанки и подошли к костру. Первой приблизилась Ланга. Она сели возле Ниуна, касаясь его плечом и упругим

бедром. Киммериец слегка отодвинулся, девушка лукаво взглянула на него и спросила:

— Вы тоже будете спать ночью? Или кто-то из вас останется охранять наш сон?

— Можете не беспокоиться, — тут же отозвался Релан. — Мы позаботимся о вашей безопасности.

Ланга звонко рассмеялась и снова придвинулась к Ниуну. Но то сосредоточенно смотрел в костер, словно ничего важнее подрумянившегося мяса для него не существовало, затем понюхал прожаренную тушку, потрогал румяную корочку, вырезал ножом самый аппетитный кусок и протянул его Маев. Та смущенно кивнула и молча начала есть. Время от времени ресницы ее вздрагивали, как будто ей очень хотелось посмотреть на своего спасителя, но она отчаянно боролась с этим желание. Ниун тоже старался не поднимать на нее глаза, ибо опасался, что все поймут, какие страсти бушуют в его душе. Быстро разделавшись с едой, все начали устраиваться на ночлег.

Ниун вызвался охранять покой спящих и, когда девушки и Релан наконец-то улеглись, устроился поудобнее у костра и глубоко задумался.

Весь следующий день путники упорно продвигались на юг. Девушки оказались сильными и выносливыми, и никто из них не жаловался на усталость. Только Ланга, стараясь держаться поближе к Ниуну, то и дело спотыкалась, делали вид, что падает, и норовила ухватиться за его руку. Он молча помогал ей подняться, но ни разу даже не улыбнулся в ответ на ее звонкий заливистый смех, которым она сопровождала свои "падения", пеняя на свою неуклюжесть. Она всячески старалась обратить на себя его внимание, но Ниун лишь сосредоточенно смотрел под ноги, то вперед, словно хотел увидеть там что-то и никак не разглядеть. В конце концов поведение Ланги возмутило Санту, и она прошипела красавице на ухо:

— Ни стыда у тебя, ни совести! Разве ты не видишь, что нисколько не интересуешь его? Нельзя же так открыто приставать к мужчине, тем более если он к тебе равнодушен.

— Он вообще, по-моему, ко всему равнодушен. Чурбан бесчувственный! — фыркнула Ланга и тут же снова рассмеялась. — Вот Релан - совсем другое дело.

— Оставь Релана в покое, — сухово ответила Санта.

— Вижу, вижу, он явно приглянулся тебе. Да и ты ему, кажется, тоже. Не понимаю, почему он ничего такого еще не сказал тебе?

— А что он должен был сказать?

— Ну, хотя бы... Ну, что ты ему нравишься, а может, еще что-нибудь.

— А тебе что за дело? — вспыхнула Санта.

Девушки так увлеклись перепалкой, что не заметили, как заговорили громко, и опомнились только тогда, когда поняли, что все остановились и смотрят на них. Санта мгновенно покраснела до корней волос, а Ланга лишь опять рассмеялась. Релан пристально взглянул на обеих и вдруг во всеуслышанье заявил:

— Чем обсуждать что-то шепотом, лучше давайте поговорим открыто. Да, мне очень нравится Санта. Даже не просто нравится. И если она не против, я бы хотел жениться на ней.

Санта охнула и бросилась ему на шею. Слов было уже не надо, и счастливый юноша крепко прижал к груди свою избранницу.

— Мы вернемся в мое селение, — немного погодя проговорил он, — как только проводим Лангу. А Ниун и один сможет довести Маев до ее дома.

При этих словах Ниун и Маев посмотрели друг на друга, и Ниун снова почувствовал, как быстро забилось его сердце, как вспотели ладони, дыхание остановилось, а в ушах опять зазвенел так долго молчавший внутренний голос: Она! Она! Щеки Маев расцвели ярким румянцем, ресницы дрогнули и опустились, а ярко-розовый язык быстро пробежал по вдруг пересохшим губам. Девушка глубоко вздохнула, но неожиданно сухо сказала:

— Пора идти дальше. Уже вечер близится. Либо мы успеем дойти до селения Ланги, либо скоро надо будет устраиваться на ночлег. В любом случае нельзя терять время.

Релан вопросительно взглянул на Лангу.

— Далеко ли еще до твоего дома?

— Не очень, — вдруг посерезнев, — ответила она. — Но до темноты мы вряд ли успеем. Лучше провести еще одну ночь в лесу.

На том и порешили. Ближе к вечеру Релан отправился ловить зайцев, Ниун занялся

костром, а девушки снова, правда, уже намного быстрее, приготовили лежанки из еловых лап. Юноша оказался более удачливым охотником, и каждому путнику на сей раз досталось по целому зайцу. Когда все наелись и собрались укладываться спать, Санта неожиданно заявила:

— Что-то совсем спать не хочется. Может, мы с Маев посидим у костра, поболтаем немного, а если услышим или увидим что-нибудь подозрительное, разбудим мужчин.

Мужчины, конечно же, пытались возражать, но разве можно переспорить женщину, если она уже что-то для себя решила? Когда все заснули, Ниун, смущаясь, заговорила:

— Ты извини меня, Маев, может, я зря начинаю этот разговор, но мне кажется, что Ниун приглянулся тебе.

Маев молча кивнула.

— Так почему ты даже не смотришь в его сторону?

— Он ведет себя как-то странно, — ответила девушка, поворотив веткой угли костра.

— Все время молчит, отворачивается, отводит глаза. Может, у него уже есть семья?

— Что ты! — всплеснула руками Санта. — Он был сразу сказал об этом. Я думаю, он очень честный человек. Просто, по-моему, ты тоже небезразлична ему, но он почему-то старается это скрыть.

— Вот именно. Не буду же я, как Ланга, вешаться ему на шею.

— Про Лангу лучше вообще не говорить. Она ведет себя, как... Я даже не знаю, как кто.

— Не надо ее осуждать. Она красивая девушка, немного избалованная и не привыкла ни в чем себе отказывать. Понравился ей парень, вот они и хочет заполучить его всеми правдами и неправдами. Ее можно понять. Вон он какой. Сильный, красивый, смелый. Я еще никогда не встречала таких мужчин.

— Мой Релан тоже сильный и красивый, — с оттенком обиды в голосе сказала Санта.

— Конечно. Вы, думаю, будете очень счастливы. Он хороший.

Девушки обнялись, прижались друг к другу и долго-долго шептались о чем-то, забыв, что вокруг ночь, что лес полон опасностей, что совсем недавно их жизни висели на волоске. Они были так молоды, так отчаянно влюблены, жизнь, которую еще предстояло прожить, казалась им светлой и радостной, полной тепла и счастья. Да и кто думает иначе в семнадцать лет?

Еще один человек не спал в эту ночь. Лежа на спине с закинутыми за голову руками и глядя в безоблачное звездное небо, Ниун думал о Маев. Санта была не совсем права, говоря, что Маев небезразлична ему. Какое там небезразлична! Он любил ее со всей горячностью молодого сердца, он с восторгом отдал бы за нее жизнь. Он мечтал провести рукой по ее шелковистым волосам и почувствовать, как мягкие пряди текут между пальцами, словно освежающая вода. Ему хотелось коснуться губами ее ресниц, тонкой бархатной кожи, манящих ярких губ. Ему казалось, что он захлебнется от счастья, если она позволит обнять себя. И в то же время хотелось плакать, орать, вопить от отчаяния.

Ведь если он женится, то придется заглушить в себе голос предков, не дававший ему покоя ни днем, ни ночью. Придется нарушить клятву, данную и себе, и односельчанам, обмануть их. Он еще ни разу не нарушил своего слова, не мог сделать этого и сейчас. Но как быть, если он не может жить клятвопреступником, но и без Маев тоже жить не может? Он молил Светлых Богов, обращался к суровому Крому с просьбой подсказать выход, но Боги молчали, а он мучился, страдал и сосредоточенно пытался найти выход. Пытался найти и не находил. Вконец измучившись, но так ничего и не придумав, Ниун крепко заснул.

К середине следующего дня лесная тропа вывела путников прямо к лесному озеру, на противоположном берегу которого раскинулось большое селение. Озеро поражало дивной красотой. Густой лес подступал прямо к воде, и самые крупные деревья склонялись над ней, словно любовались своим отражением. То и дело слышались всплески — это играла рыба, видимо, водившаяся тут в изобилии. В ровной, спокойно водной глади отражалось голубое небо с медленно проплывавшими по небу облаками.

— Вон мой дом, — радостно воскликнула Ланга и, тут же погрустнев, добавила: — Быстро дошли.

Они обогнули озеро и вступили в деревню. Ниун в изумлении оглядывался по сторонам: таких необыкновенных домов ему еще не приходилось видеть. Под одной крышей стояли и жилая часть строения, и сараи, и помещения для скота. Но не это было самым удивительным. Переднюю часть всех домов густо покрывали украшения, вырезанные из деревянных планок. Где-то их было побольше, где-то своем немного, но все селение выглядело так, словно принарядилось на праздник.

Заметив, как ее спутники рассматривают деревянное кружево, Ланга гордо заявила:

— Я ведь говорила вам, что мой отец — необычный плотник. Таких мастеров вы больше нигде не найдете. Идем скорее.

На пороге самого большого и наиболее причудливо украшенного дома возник высокий немолодой мужчина и, прикрыв от солнца глаза ладонью, пристально посмотрел на приближавшихся путников. Вдруг он охнул, схватился за сердце и бросился с крыльца им навстречу.

— Доченька! — полузырикнул, полувыдохнул он и прижал Лангу к своей широкой груди.

Потом он отодвинул девушку на расстояние вытянутых рук, сквозь слезы, выступившие на глазах, посмотрел на родное лицо и снова прижал дочь к себе. Наконец, с трудом прия в себя, плотник обернулся к спутникам дочери.

— Отец, — сказала Ланга. — Эти два воина спасли меня от разбойников.

Мужчина решительно шагнул к ним и молча крепко обнял сначала Ниуна, а затем Релана. Как и все киммерийцы, он был немногословным.

— Заходите в дом. Вы будете самыми желанными гостями. Всегда.

Внутри жилище плотника почти не отличалось от домов, которые обычно строили в Киммерии. Боги не баловали эту страну теплом, и поэтому пороги мастера делали высокими, а двери — низкими и тяжелыми, чтобы внутрь проникало как можно меньше холодного воздуха. Углы большой комнаты были скругленными, чтобы не промерзали, да и мыть такие стены гораздо легче (мыть стены приходилось довольно часто, ибо от печек, топившейся по-черному, на них густо садилась копоть).

Комната была одна, просторная, почти квадратная, она разделялась на отдельные закутки печью, где готовили еду, большими окованными сундуками, на которых спали женщины, лавками и мощными балками, поддерживающими закопченным потолок. В дальнем правом углу стоял большой стол. Возле печи суетилась невысокая, ладная и уже немолодая женщина. Когда гости вошли в дом, она повернула к ним посеревшее от невыразимого горя лицо, вскрикнула и медленно опустилась на лавку, словно все силы разом покинули ее.

— Матушка! — бросилась к ней Ланга и, опустившись перед матерью на колени, ткнулась носом в подо ее юбки.

— Жена! Накрывай на стол. Не видишь, что ли, гости у нас, — преувеличенно строго распорядился плотник.

Остаток дня прошел в нескончаемом празднестве. Гости непрерывно ели и пили, рассказывали о своих приключениях сначала родителям Ланги, потом многочисленным соседям, которые, прослышиав о возвращении девушки, все заходили и заходили в дом плотника. Его любили и уважали, и поэтому все дружно радовались его счастью.

В самый разгар пиршства плотник подсел к Ниуну и, строго глядя на него выцветшими, а некогда, видимо, ярко-голубыми глазами, сказал:

— Вижу, ты приглянулся моей дочери. Вон она глаз с тебя не сводит. Оставайся. Поработаешь у меня, как положено, а там и женой ее объявишь. Я для нее ничего не пожалею.

Ниун покачал головой:

— У тебя очень красивая дочь. Но я должен идти дальше. Мои предки были кузнецами. И мне долг велит перенять их дело. Не уговаривай. Я уже все для себя решил.

Плотник тяжело вздохнул и положил широкую ладонь на руку Ниуна:

— Что ж, как ни жаль мне, неволить не буду. Но знай: я твой должник. Ты всегда самый желанный гость в моем доме.

Он поднял красивую резную чашу, одним глотком осушил ее и повернулся к гостям:

— Пора и честь знать. Люди устали с дороги. А завтра им снова в путь. Пусть отдыхают.

Ясным тихим утром Ниун, Релан, Санта и Маев покинули гостеприимное селение. Их дорожные мешки были наполнены всевозможными припасами, приготовленными умелыми добрыми руками матери Ланги. Она тоже понимала, какие чувства переполняют дочь, но накопленная с годами житейская мудрость не позволила женщине вмешиваться. Она лишь обняла путников на прощание и сказала:

— Пусть Светлые Боги сопровождают вас в пути. А мы всегда будем рады, если вы решите навестить вас.

Ланга в этот день проснулась на рассвете и вышла проводить гостей до берега озера. По покрасневшим глазам девушки даже не очень наблюдательный человек мог понять, что ночь она провела беспокойную, но, стараясь не выдать своего волнения, Ланга лишь проговорила:

— Доброго вам пути, — и, помолчав, обернулась к Ниуну и добавила: — Твоя избранница будет самой счастливой женщиной на свете. Ты настоящий мужчина.

Затем она резко повернулась и быстро пошла к дому, расправив плечи и высоко неся гордую голову.

Какое-то время все молчали, пока тишину не нарушил Релан:

— Ниун, мы с Сантой решили не идти в ее деревню. Родных у нее нет, никого ее не ждет, добра она нажить не успела, так что забирать из дома ничего. Мы отправимся прямо ко мне. А ты, как я уже говорил, и один сможешь проводить Маев.

— Правильно решили, — отозвался Ниун. — Санта и так натерпелась всякого, пусть поскорее окажется среди родных. Будьте счастливы. И пусть у вас будет много детей, здоровых, румяных, веселых.

Маев шагнула к подруге, обняла ее и даже слегка всплакнула.

— Не знаю, — сказала она, — Увидимся ли мы еще когда-нибудь, но я всегда тебя буду помнить.

Наговорив друг другу еще много хороших и ничего не значивших при прощании слов, путники разделились: двое отправились на север, а двое - на юг. Когда Релан с Сантой скрылись из виду, Ниун спросил у Маев.

— Далеко ли до твоего дома?

— Если поторопимся, к концу третьего дня дойдем.

Ниуну очень не хотелось торопиться, он бы так шел и шел с любимой девушкой, не считая дни, не измеряя расстояния. Видеть ее, чувствовать легкое дыхание, изредка как бы случайно касаться тонкой руки - это значило для него жить. Но, будь прокляты все демоны вместе взятые, не мог он жениться на ней, не мог предать память отца и отказаться от своей мечты! Как только он отведет девушку домой, он снова возобновит поиски и рано или поздно добьется своего. Но как ему жить дальше без этих серых глаз? В душе Ниуна бушевала буря, мешавшая ему говорить, и он шел молча, тяжело ступая по влажной земле, сминая пробивавшуюся к солнцу траву, не замечая ни синего неба, ни легкого ветерка, даже слегка согнувшись под тяжестью своих невеселых дум.

Маев тоже молчала, но не потому, что боялась нарушить размышления своего спутника. Ей тоже было о чем подумать. С первого взгляда на Ниуна она поняла, что именно его ждала всю свою еще недолгую жизнь, что это он являлся ей в беспокойных девичьих снах, что за ним она согласилась бы пойти на край света. Но он не знал с собой, а гордость не позволяла

ей задавать вопросы. И еще у нее была одна тайна, которую Маев боялся выдать. Сказав, что она единственная дочь своего отца, девушка умолчала о том, что ее отец - именно тот мастер, который так нужен Ниуну, кузнец. Он с удовольствием взял бы в ученики мужа дочери и передал бы ему дело. Но напроситься в жены, стать желанной только из-за ремесла отца - от одной мысли об этом Маев начинала бить дрожь отвращения. Она никогда не станет торговаться собой, даже если потом всю жизнь ей придется провести, страдая от того, что рядом нет единственного человека, за которого она согласилась бы умереть.

Так и шли они рядом, молчавшие каждый о своем, и ни один не догадывался, что стоит лишь выговориться, снять тяжесть с души — и беда отступит, боль утихнет, станет легко дышать и жизнь снова покажется прекрасной. Но ни Ниун, ни Маев ни за что не согласились бы поступиться гордостью и честью.

— Ты не устала? — заговорил наконец Ниун, когда день уже начал близиться к концу.
— Не пора ли подумать о привале?

Девушка была сильной и могла бы еще идти и идти, но ей очень хотелось оттянуть возвращение домой, и поэтому она с готовностью заявила:

— О, я с удовольствием отдохнула бы.

Потом они долго сидели у костра, задумчиво глядя, как пляшет огонь, и стараясь не смотреть друг на друга.

...Как ты прекрасна, любимая. Я отдал бы жизнь за то, чтобы обнять тебя, уткнуться лицом в твои пушистые волосы, вдыхать их запах. Как мы могли бы быть счастливы с тобой. Ты будила бы меня по утрам, нежно прикасаясь губами к щеке. Я защищал бы тебя от всего мира. У нас были бы красивые и добрые дети. Как ты прекрасна, чудесная. Я носил бы тебя на руках. Как недоступна ты, мечта моя...

...Какие у тебя сильные руки, любимый. Я, наверное, всю жизнь провела бы в твоих объятиях. Как мне хочется коснуться тебя, прижаться к твоей широкой груди и захлебнуться от восторга и счастья. А какие бы у нас были дети! Как близко - стоит лишь протянуть руку, как далеко, как непоправимо далеко ты от меня, жизнь моя и беда моя...

Они отводили друг от друга глаза, а в душе каждого кричало, смеялось, пело и плакало великое чувство, на котором строится жизнь, без которого человек не может зваться человеком. Потом они лежали по разные стороны костра, глядя в звездное небо, и делали вид, что спят, но сон, который мог бы принести хоть недолгое облегчение, не шел к ним.

Встав на рассвете, они тронулись в путь, медленно передвигая ноги, ставшие вдруг невероятно тяжелыми, ибо каждый шаг приближал их расставание, после которого жизнь для обоих потеряет всякий смысл. Они обменивались лишь короткими, ничего не значившими фразами, когда это было необходимо: каждый раз опасаясь, чтобы вдруг дрогнувший голос выдаст их.

Когда рядом шли спутники, и Ниуну, и Маев, было гораздо легче прятать свои чувства, и сейчас оба догадывались, что происходит в их душах, но упорно молчали, готовые расстаться с жизнью, но не поступиться гордостью.

Вечер наступил неожиданно быстро, и они снова остановились на ночлег. Костер уже едва тлел, и пора было укладываться спать, тем более что бессонная ночь напоминала о себе и глаза путников слипались. Неожиданно затрещали кусты и из окружающей тьмы выскочил зверь размером с крупную собаку и зарычал, ощерил белые клыки. Его немигающие глаза горели красным светом, шерсть на загривке стояла дыбом. Отбившийся от стаи волк, видимо, не сумел найти добычу, и теперь голод привел его прямо к людям. Хищник боялся огня, но и

бороться с мучившим его голодом, похоже, больше уже не мог.

Ниун резко вскочил на ноги и крепко сжал в кулаке рукоятку большого охотничьего ножа. О том, что меч остался лежать возле дорожного мешка, он даже не успел пожалеть. Зверь, издав угробное рычание, прыгнул, но это был его последний прыжок: с силой выбросив вперед руку, Ниун вонзил острое лезвие в мохнатый живот, и из глубокой раны на землю вывалились дымящиеся внутренности. Глаза хищника подернулись пленкой, язык свесился из раскрытой пасти, лапы дернулись, и зверь тут же испустил дух.

— Он мог убить тебя! — не думая о гордости, девушка повисла на шее у Ниуна.

Он отшвырнул прочь мертвого волка, даже не выдернув нож, крепко прижал Маев к груди, забыв на мгновение обо всем на свете. Жаркая волна накрыла Ниуна с головой, затуманив рассудок. Но железная воля тут же отрезвила его и, рывком оторвав девушку от себя, Ниун срывающимся голосом проговорил:

— Не бойся. Волк мертв. Других нет. Пора спать.

С трудом удержав готовые пролиться слезы, Маев отвернулась, легла на еловые лапы, приготовленные заранее, подтянула колени к подбородку и затихла: не то заснула, не то просто постаралась скрыть обиду.

Ниун еще долго сидел у костра и сосредоточенно думал, думал, думал... Наконец и его сморил сон. Сны, посетившие его в ту ночь, были короткими и мучительными. То ему виделось, как они с Маев катаются на лодке, сделанной старым Вокнаном, то вдруг девушка исчезала, когда он собирался поцеловать ее, то Маев склонялась над колыбелью, вырезанной из дерева умелыми руками отца Ланги, то Ниун смотрел вдаль и видел, как Маев уходит от него все дальше и дальше.

Первая мысль, посетившая Ниуна утром, была о том, что сегодня - последний день их общего пути. Скоро Маев окажется дома, а ему вновь придется идти, но уже одному. "И не надо будет больше надеяться, что внутренний голос позовет меня. Он уже все сказал. Вот оно, счастье, свернулось калачиком совсем рядом. Протяни руку - дотронься. Больше такой возможности не будет. Сегодня я попрощаюсь с ней. Лучше бы мне никогда не встречать ее, не узнал бы, что душа может так болеть".

Тяжело вздохнув, Ниун разбудил девушку:

— Вставай, Маев. Уже утро. Пора в дорогу.

Девушка вскочила, словно давно не спала и только ждала этих слов, чтобы отправиться в путь. Она торопливо, чуть нервными движениями, поправила волосы, быстро проглотила кусочек успевшей зачерстветь лепешки, запила скучный завтрак водой и сказала:

— Я готова. Идем.

Как и говорила Маев, к вечеру лес неожиданно расступился и вдали показались крыши домов. Откуда-то издалека, с самой окраины доносился веселый перестук кузнечных молотов. Ниун обязательно зашел бы в селение, чтобы поговорить с кузнецом. Но он боялся, что никогда уже не сможет расстаться с девушкой, если не попрощается с ней сейчас, пока у него еще хватало сил повернуться и уйти. Словно угадав его мысли, Маев тихо проговорила:

— Вот я и дома. Не провожай меня дальше. Я дойду одна.

У Ниуна вдруг перехватило горло, и он не смог произнести ни слова, а только кивнул. Надо было уходить, но он не мог заставить себя сделать ни шагу. Ноги словно приросли к земле, сердце то рвалось из груди, то вдруг проваливалось куда-то, руки дрожали, во рту пересохло. "Я больше никогда не увижу тебя, любимая. Зачем мне жизнь, если в ней не будет тебя? Скажи хоть слово, хоть взглядом намекни, и я останусь". Но Маев молчала и лишь

смотрела себе под ноги, как будто стояла на краю обрыва и боялась упасть. "Неужели ты сейчас уйдешь, любимый? Уйдешь навсегда. Как жить мне дальше? И зачем жить?"

Неожиданно Маев резко повернулась к Ниуну и выдохнула:

— Знаешь, я не хотела говорить...

Она оборвала себя на полуслове и долго молчала, но по ее лицу было видно, что в душе девушки идет жесточайшая борьба. И все-таки гордость победила.

— Я всегда буду помнить тебя. Ты спас мне жизнь. Прощай.

— Прощай, Маев. Я тоже не забуду тебя.

Ниун повернулся спиной и почти бегом ринулся в лесную чащу, с трудом пересиливая желание обернуться. Он шел, не разбирая дороги. Ветви хлестали его по лицу, по которому впервые в жизни катились обжигающие слезы, несколько раз падал, не заметив высокого корня или цепкой травы, тут же поднимался и опять бежал, пытаясь скрыться от самого себя. Вдруг он встал как вкопанный. "Прости меня отец. Видно, напрасно ты напоминал мне о долге. Я не могу жить без этой девушки. Зачем мне ремесло кузнеца на Серых Равнинах? Прости меня".

И словно камень свалился с его души, слезы высохли, а ноги сами понесли обратно, туда, где, он не сомневался, ждала его Маев. Он не помнил, как добежал до лесной опушки, как входил в селение, и лишь впервые за долгое время заулыбался светло и счастливо, когда увидел, что издалека, с самой окраины, ему навстречу бежит, спотыкаясь, единственная на свете женщина.

...Пройдет время, и у них родится сын, которого назовут Конаном.